

А.И. Герцен

Старый мир и Россия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г41

Г41   **Герцен А.И.**
Старый мир и Россия / А.И. Герцен – М.: Книга по Требованию, 2023. – 50 с.

ISBN 978-5-458-54798-7

ISBN 978-5-458-54798-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нѣсколько дней послѣ встрѣтилъ я другаго редактора другаго тоже *неудѣльнаго* листа. Онъ мнѣ сказалъ, что хотѣлъ напечатать отрывки изъ моихъ писемъ, но нашелъ, что въ нихъ все такъ пропитано социализмомъ, который антипатиченъ англо-саксонской расѣ, что онъ не рѣшился этого сдѣлать.

— Робертъ Оуенъ оттого не имѣлъ успѣха, — сказалъ я, — оттого не основалъ школы, что онъ социалистъ.

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія! — отвѣчалъ утвердительно редакторъ.

Что же бы осталось отъ Оуена, еслибы изъ его сочиненій взять все социальное и все антихристіанское?

Ошибокъ въ этихъ письмахъ много. Кто могъ предвидѣть, что первою жертвой Крымской войны падеть Николай, — я всегда думалъ, что онъ проживетъ, какъ царь Иванъ Васильевичъ, до Аредовыхъ лѣтъ.

Но въ чемъ я не ошибся и что составляетъ сущность этихъ писемъ, это въ моемъ предсказаніи, что Россія должна вступить въ новую эру развитія, что узкій деспотизмъ Николая становится тѣсень для ея роста.

Да, не ошибся я и въ томъ, что Англія сдѣлается больше и больше отчужденнымъ островомъ, хранящимъ въ своихъ свободныхъ учрежденіяхъ прежній идеаль общественнаго устройства, къ которому стремился весь европейскій міръ, — да середь дороги ослабѣлъ, одряхлѣлъ и подпалъ двумъ величайшимъ врагамъ развитія и свободы — подогрѣтому католицизму и вновь восхрещему абсолютизму.

Нашихъ соотечественниковъ прошу я не забывать, что эти письма писаны не для русскихъ, и не тѣмъ языкомъ, которымъ мы говоримъ.

И—ръ.

1 января, 1858 года.

Путней (близъ Лондона).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Любезный Линтонъ!

«Какая, по мнѣнію вашему, будущность Россіи?» спрашиваете вы.

Всякій разъ, когда мнѣ приходится отвѣчать на подобный вопросъ, я отвѣчаю, тоже спрашивая: способна Европа къ общественному возрожденію или нѣтъ? Вопросъ этотъ очень важенъ. Ежели народу русскому предстоитъ только одна будущность, то судьбамъ имперіи російской предстоятъ двѣ будущности. Отъ Европы будетъ зависѣть, которая изъ двухъ совершится.

Мнѣ кажется, что роль *теперешней* Европы совершенно окончена; съ 1848 года разложеніе ея растетъ съ каждымъ шагомъ.

Слова эти ужасають, и всѣ безотчетно оспаривають ихъ. Разумѣется, не народы погибнуть, — погибнуть государства, погибнуть учрежденія: римскія, христіанскія, феодальныя, парламентскія, монархическія или республиканскія,—все равно.

Европа должна преобразоваться, разложиться, чтобъ войти въ новыя сочетанія. Подобнымъ образомъ имперія римская преобразовалась въ Европу христіанскую. Она потеряла свою самобытность и вступила въ новый міръ, возшла въ него одною изъ дѣятельнѣйшихъ стихій.

До сихъ поръ въ Европѣ были только внѣшнія пре-

образования; основанія же новаго порядка государствъ оставались неосуществленными; старое зданіе только поправляли. Такова была реформа Лютера, такова была революція 1789 года.

Мы дошли наконецъ до крайнихъ границъ передѣлокъ и зачекатуриваній; ветхія формы слишкомъ тѣсны; въ нихъ нельзя повернуться, опасаясь, что онѣ распадутся. Революціонная мысль, сверхъ того, несовмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей.

Государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности обществомъ, на религіи случайной собственности, на привилегіяхъ и монополіяхъ, на нравственномъ дуализмѣ (даже въ революціонной формулѣ—«Богъ и Народъ»),—такое государство не можетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего тупа, т. е. свои химическіе элементы, освобожденные смертію.

Соціализмъ отрицаетъ все то, что политическая республика сохранила отъ стараго общества. Соціализмъ— религія человѣка, религія земная, безнебесная,—общество безъ правленія, воплощеніе христіанства, одѣйствованіе революціи.

Христіанство преобразовало раба въ сына человѣческаго; революція преобразовала отпущенника въ гражданина; соціализмъ хочетъ изъ него сдѣлать *человѣка* (ибо городъ долженъ зависѣть отъ человѣка, а не человѣкъ отъ города). Христіанство указываетъ людямъ на сына Божія, какъ на идеаль;—соціализмомъ сынъ объявляется *совершеннолѣтнимъ*, человѣкъ хочетъ быть болѣе чѣмъ сыномъ Божиимъ,—онъ хочетъ быть *самимъ собою*.

Всѣ отношенія общества къ частнымъ лицамъ и частныхъ лицъ между собой должны быть совершенно измѣнены. И тутъ является вопросъ: будутъ ли имѣть народы германо-романскіе достаточно силъ, чтобъ под-

вернуться этому переселёнію душъ, и въ состояніи ли они подвергнуться ему теперь?

Мысль соціальной революціи—мысль европейская: но изъ этого не слѣдуетъ, что западные народы одни призваны осуществить ее.

Христіанство было только *распято* въ Іерусалимѣ.

Мысль соціальная равно можетъ быть духовнымъ завѣщаніемъ, предсмертной волей, предѣломъ западнаго міра, какъ и торжественнымъ входомъ въ новое существованіе, приобрѣтеніемъ совершеннѣйшей тоги.

Европа слишкомъ богата, чтобъ рисковать всѣмъ имуществомъ на одной картѣ; она желаетъ сохранить многое; ея пизшіе классы слишкомъ отдалены отъ цивилизаціи, чтобы она зря могла броситься всѣмъ тѣломъ въ такой коренной переворотъ.

Республиканцы и монархисты, деисты и іезуиты, горожане и крестьяне—все это консерваторы. Развѣ—придется исключить однихъ только работниковъ.

Работникъ можетъ отвратить отъ стараго свѣта большой позоръ и большія несчастія. Но, спасенный имъ, онъ не переживетъ одного дня, потому что съ нимъ водворится социализмъ, и вопросъ будетъ положительно рѣшенъ.

Но и работникъ можетъ быть побѣжденъ, какъ это было въ іюньскіе дни. Противудѣйствія будутъ еще свирѣпѣе, еще страшнѣе. Тогда разложеніе стараго міра придетъ инымъ путемъ, и социализмъ осуществится въ другихъ странахъ.

Взгляните, напримѣръ, на эти двѣ огромныя равнины, сходящіяся затылками, обогнувъ Европу. Зачѣмъ онѣ такъ пространны, къ чему онѣ готовятся, что означаетъ пожирающая ихъ страсть къ дѣятельности и расширенію? Эти два міра, противоположные одинъ другому, и между которыми есть своего рода сход-

ство — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія.

Никто не сомнѣвается, что Америка—продолженіе европейскаго развитія, и *ничего болѣе*, какъ его продолженіе. Лишенная всякой инициативы, всякаго изобрѣтенія, Америка готова принять бѣгущую отъ реакціи Европу, осуществить своего рода социализмъ, но она не пойдетъ низвергать древнее зданіе за Атлантической океанъ и не покинетъ для этого своихъ богатыхъ полей.

Можно ли сказать тоже о славянскомъ мірѣ? Чего домогается этотъ *нѣмой міръ*, прожившій въ постоянномъ а parte, не раскрывая рта, цѣлый рядъ столѣтій, со времени переселенія народовъ до нашихъ временъ?

Міръ странный, не имѣющій почти ничего общаго ни съ Европой, ни съ Азіей.

Европа занята крестовыми походами — славяне сидятъ спокойно дома.

Европа развиваетъ феодальную систему, строятъ большіе города, составляетъ законодательства, основанные на римскомъ правѣ и на германскихъ обычаяхъ; Европа становится послѣдовательно протестантской, либеральной, парламентской, революціонной. Славяне не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни аристократическаго дворянства; они не понимаютъ римскаго права, не знаютъ различія между крестьяниномъ и горожаниномъ; они предпочитаютъ жизнь сельскую и сохраняютъ свои патріархальныя и демократическія установленія — свою сельскую общину и вѣче.

Часть этихъ народовъ еще не пробилъ, они всѣ—въ ожиданіи чего то, ихъ теперешнее *statu quo*—какое то предварительное состояніе; такъ, по крайней мѣрѣ, кажется.

Нѣсколько разъ славянскіе народы пытались сло-

житься въ сильныя государства. Опыты ихъ, повидному, удавались (какъ, напримѣръ, Сербія при Душанѣ) и потомъ эти государства гложутъ, останавливаются безъ всякой причины.

Распространенные отъ береговъ Волги до береговъ Эльбы, до Адриатическаго моря и архипелага, славяне никогда не соединялись въ одно для общей защиты. Часть ихъ изнемогаетъ подъ нѣмецкимъ игомъ, другая терпитъ владычество турокъ, третья была поработана варварскими ордами, напавшими на Паннонію. Большая часть Россіи долгое время страдала подъ игомъ монгольскимъ.

Одна лишь Польша оставалась независима и сильна... но это потому, что она была меньше славянскою, чѣмъ прочія племена; она была *католическою*. А католицизмъ совершенно противенъ славянскому генію. Славяне первые вступили въ вражду съ папизмомъ, ихъ борьба съ тѣмъ вмѣстѣ имѣла въ себѣ характеръ глубоко социальный (Табориты).

Завоеванная и покоренная католицизмомъ Богемія сломилась.

Итакъ, Польша сохранила свою независимость нарушеніемъ соплеменнаго единства и сближеніемъ своимъ съ западными государствами.

Остальные славяне, хотя и оставались независимы, но не занимались своимъ государственнымъ устройствомъ; общественная жизнь ихъ была нѣчто въ родѣ колеблющагося, неопредѣленнаго, неустоявшагося *анархизма* (какъ бы выразились здѣшніе *друзья порядка*). Въ мірѣ, можетъ быть, нѣтъ положенія болѣе сообразнаго съ славянскимъ характеромъ, какъ положеніе Украйны или Малороссіи, со временъ Кіевского періода до Петра I.

Это была казачья и земледѣльческая республика, управляемая военною дисциплиною, но на основаніяхъ

демократическаго коммунизма. Безъ средоточія, безъ правленія, повинясь лишь древнимъ обычаямъ, не подчинясь ни царю московскому, ни королю польскому. Аристократіи не было, всякій совершеннолѣтній человѣкъ былъ дѣятельнымъ гражданиномъ; всѣ должности, начиная съ десятника до гетмана были избирательныя. Республика эта существовала отъ XIII вѣка до XVIII, несмотря на безпрестанныя вражды ея съ Великороссіей, съ поляками, литовцами, турками и крымскими татарами. Въ Украинѣ, въ Черногоріи и даже у сербовъ, иллирійцевъ и далматовъ,—повсюду геній славянскій заявилъ себя, свои стремленія, но не развилъ крѣпкой политической формы.

Однако надо было наконецъ пройти *дрессировкой* сильнаго государства, надо было соединиться, сосредоточиться, покинуть вольную, казачью и коммунальную жизнь, жизнь спуста рукава; однимъ словомъ, проснуться отъ продолжительнаго общественнаго сна.

Около XIV столѣтія въ Россіи образуется средоточіе, около котораго тяготеютъ и кристаллизуются всѣ разнородныя части государства; это средоточіе—Москва. Со времени ея появленія, какъ центра, она становится столицей всего славянскаго православія.

Въ Москвѣ образовалось византійское и восточное самовластѣ царей. Москва уничтожила все независимое старой Руси, всѣ вольности народныя. Все было принесено на жертву идеѣ *государства*; все приводится къ его одному знаменателю и—все склоняется. Народъ, низвергнувъ иго монгольское, продолжая кровавую вражду съ ливонцами, и видя вооруженіе Польши,—какъ будто чувствовалъ, что для спасенія своей народности и своей сущности слѣдовало отречься отъ всѣхъ правъ человѣческихъ.

Новгородъ — великая и вольная весь — былъ живымъ упрекомъ едва родившейся столицѣ царей. Москва,

съ кровавой жестокостью и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, задушила своего противника.

Когда вся Россія была у ея ногъ, Москва столкнулась лицомъ къ лицу съ Варшавой.

Борьба двухъ новыхъ соперницъ была продолжительна, она окончилась въ другую эпоху. Нѣкоторое время Польша имѣла верхъ, Москва склонялась передъ ней, Владиславъ, сынъ Сигизмунда, царя польскаго, былъ провозглашенъ царемъ всея Россіи. Домъ Рюрика и Владиміра Мономаха угасъ, — не было никакого управленія, польскіе военачальники и гетманы казаковъ царли въ Москвѣ.

Тогда народъ, повинувшись воззванію Минина, возсталъ и принудилъ Польшу покинуть Москву и русскую землю.

Москва, окончивши свое дѣло — *спаванія* частей государства, — пріостанавливается, не знаетъ, куда употребить ея собранныя и оставшіяся въ бездѣйствіи силы. Выходъ нашелся имъ скоро. Тамъ гдѣ много силъ, — тамъ выходъ всегда есть.

Явился Петръ I и сдѣлалъ изъ *государства Русскаго* — *государство Европейское*.

Скорость, съ которою часть народонаселенія покорилась европейскимъ обычаямъ, отрекшись отъ своихъ старыхъ привычекъ, ясное доказательство того, что московское государство никогда не было полнымъ выраженіемъ жизни народной, и что существованіе его было только временное. Одни крестьяне сопротивлялись, когда перемѣны касались основъ ихъ быта и, страдательно уклоняясь, не приняли преобразованій Петра I. Они остались вѣрнымъ хранителемъ народности, основанной (по выраженію Мишле) на *коммунизмѣ*, т. е. на постоянномъ раздѣлѣ полей по числу работающихъ и на отсутствіи личнаго обладанія землею.

Какъ Сѣверная Америка представляетъ собою послѣдній выводъ республиканскихъ и философскихъ идей Европы XVIII вѣка, такъ Петербургская имперія развила до чудовищной крайности начала монархизма и европейской бюрократіи. Последнее слово консервативной Европы произнесено Петербургомъ; и вотъ почему всѣ реакціонеры обращаютъ взоры свои къ этому Риму самодержавія.

Какими огромными силами располагало петербургское правительство, показываетъ гигантское пространство этого государства. Средства его были такъ велики, что, несмотря даже на время смутъ и сквернаго управленія отъ Петра I до Екатерины II, Россія матеріально расширилась съ неимовѣрной быстротой.

Овладевъ и поглотивъ все, что встрѣчалось на пути, Остзейскія провинціи и Крымъ, Бессарабію и Финляндію, Армению и Грузію; раздѣливъ Польшу, овладевъ одной турецкой провинціей за другой, — имперія російская, наконецъ, нашла себѣ мощнаго соперника въ французской революціи, поставленной къ верхъ ногамъ, преобразованной изъ борьбы за свободу въ военный деспотизмъ—очень похожій на петербургское самовластье. Россія вступила въ бой съ Наполеономъ, и побѣдила его.

Съ той минуты, какъ Европа въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Аахенѣ и въ Веронѣ признала, *volens nolens*, гегемонію императора російскаго,—съ той минуты трудъ Петра былъ завершёнъ, и императорская власть снова появилась въ такомъ же положеніи, въ которомъ были цари московскіе до Петра I; Александръ I понималъ это.

Императорская власть можетъ еще продержаться, страдая и заставляя себя уважать всѣми средствами, которыя находятся въ рукахъ самовластья; но она не можетъ ничего создать, ввести чего либо новаго, опа-

саясь встрѣтить на каждомъ шагѣ тотъ духъ, котораго она боится вызвать.

Такой власти ничего не остается дѣлать, какъ вести *войну внѣшнюю*.

Николай, однакожъ, постоянно воздерживался отъ войны.

Какъ же это случилось, что спустя двадцать пять лѣтъ стертаго царствованія, имъ вдругъ овладѣваетъ безразсудная отвага, и онъ бросаетъ свою рукавицу въ лицо Франціи и Китая, Англіи и Японіи, Швеціи и, пожалуй, Австріи... не говоря уже о Турціи...

Говорятъ, что онъ сошелъ съ ума?

— Я думаю, что онъ, напротивъ, возшелъ въ разумъ.

Чтобъ начать войну, онъ долженъ былъ быть совершенно увѣренъ въ жалкомъ состояніи европейскихъ государствъ, онъ долженъ былъ питать къ нимъ безпредѣльное презрѣніе... Николай до 1848 года дулся только на западныя державы,—но онъ не презиралъ ихъ. Онъ трепеталъ, узнавши о революціи 1848 года, и успокоился лишь только по полученіи извѣстія о кровавой диктатурѣ Кавеньяка. Но послѣ помощи, оказанной имъ Австріи вмѣшательствомъ въ венгерскія дѣла, вмѣшательствомъ также спокойно терпимымъ Англіею, какъ и вступленіе французовъ въ Римъ, — онъ лучше понялъ положеніе своихъ *друзей-противниковъ*. Медленно и постепенно онъ вымѣривалъ глубину ихъ малодушія, ихъ *невѣжества*—и тогда уже началъ *войну*. Хотите биться объ закладъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ, ежели не вмѣшается въ нее неожиданное третье лицо — общій врагъ ихъ всѣхъ, т. е. революція?

«Въ такомъ случаѣ намъ не до войны! лучше объявить себя напередъ побѣжденными, пожертвовать